

Грешилова А. В. Мифологический логоцентризм в романе Т. Н. Толстой «Кысь» / А. В. Грешилова // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 139—147. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-139-147.

Greshilova, A. V. (2017). Mythological Logocentrism in T. N. Tolstaya's Novel "Kys". *Nauchnyy dialog*, 6: 139-147. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-139-147. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Кысь7Толстая

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-139-147

Мифологический логоцентризм в романе Т. Н. Толстой «Кысь»

© Грешилова Анна Валерьевна (2017), аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), annagreshilova@gmail.com.

Рассматривается концепция мифологического логоцентризма, реализованная в романе Т. Н. Толстой «Кысь». Показано, что образ Книги, как и образ Слова, является одним из центральных. Автор утверждает, что анализ эстетических функций этого образа важен для понимания концепции романа в целом. Автор исходит из того, что Толстая конструирует своего рода художественную модель национального мира, поэтому вербальные практики в «Кыси» также неизбежно соотносятся с национальным аспектом. Подчеркивается, что сюжетные линии и образы, связанные с особым функционированием художественного слова в русской культуре, традиционно обсуждаются в рамках литературоцентристской проблематики. Поэтому в статье мир «Кыси» сначала последовательно рассматривается как мир литературоцентрический, но в итоге не признаётся таковым: литературоцентризм как социокультурное явление в большинстве случаев ограничен конкретными временными рамками, тогда как «Кысь» можно рассматривать, скорее, как трансгисторическую систему. Отмечается, что Толстая в своем творчестве дает более широкую трактовку этому явлению и осмысляет любовь к слову как часть русской ментальности в целом. Особое внимание в статье уделяется мифологическим практикам, поскольку главным образом с ними в романе связываются логоцентрические стратегии.

Ключевые слова: Толстая; кысь; миф; логоцентризм; литературоцентризм; архаическое мышление.

1. Литературоцентристские тенденции в «Кыси»

Как верно заметил Борис Парамонов, в романе «Кысь» Толстая создаёт своего рода модель русской жизни [Парамонов, 2000]. Модель, до некоторой степени универсальную, поскольку и на стилистическом уровне, и на

уровне образной структуры «Кысь» содержит огромное количество отсылок к дискурсивным практикам самых разных исторических периодов России — средневекового, петровского, советского, постсоветского — и даже к эпохе неолита. Подобный метаисторизм сюжетно мотивирован ядерным Взрывом, который и уничтожил современную цивилизацию: деградация после катастрофы изображается с помощью материализованной метафоры, через реконструкцию архаических дискурсов и их сосуществование с элементами новой и новейшей истории.

На концептуальном же уровне эклектизм, как уже было сказано, мотивируется попыткой выявить константы русского мира. Романная эклектика имеет диффузный характер: не всегда можно однозначно установить, к какой именно эпохе отсылает та или иная деталь, так что в итоге формируется ряд трансисторических мотивов и образов. Весьма характерно, что одним из таких гибридных артефактов оказывается образ Книги: очевидно, равнодушие к слову — базовый параметр русского сознания для Толстой.

Такая абсолютизация и сакрализация слова в наше время осмысливается как литературоцентризм. М. Берг в своей книге «Литературократия» предполагает, что «литературоцентристские тенденции в русской культуре появились с момента возникновения в России института светской письменности и формировались под воздействием таких разноприродных факторов и явлений, как стереотип сакрального отношения к слову, особый статус писателя как властителя дум и пророка, оппозиция “интеллигенция-народ” и система нравственных запретов, социально-психологическим регулятором которых, как полагает Лотман, был стыд» [Берг, 2000, с. 183].

Эти механизмы в «Кыси» воспроизводятся, но полуиронично. Оппозиция «интеллигенция — народ» в романе построена без «стереотипов <...> “служения народу”, “долга перед народом”» [Там же], но, однако же, сама модель служения сохраняется: например, выжившие представители советской интеллигенции считают своим долгом восстановление Светлого Прошлого [Толстая, 2009, с. 133]. По пародийности формулировки очевидно, что для Толстой и лозунг, и сама парадигма мышления уже не представляются авторитетными.

По мысли М. Берга, традиционную жертвенность и мессианство русской интеллигенции можно объяснить генетическими связями первых русских интеллигентов-разночинцев с церковной культурой [Берг, 2000, с. 197], и этот же фактор обуславливает литературоцентричность их мышления, поскольку церковная культура предполагает сакральный статус слова. Жертвенность и мессианство русских интеллигентов оказываются, таким образом, неразрывно связаны с особым отношением к слову. Более того, «именно

идеологи из разночинно-семинарской среды <...> сформировали систему интеллигентских стереотипов, которая <...> определила литературоцентристскую модель русской культуры» [Там же], вновь воспроизведённую в том или ином качестве в советский период: «<...> в советскую эпоху <...> поиск альтернативной системы легитимации приводит к восстановлению механизмов функционирования основных российских культурных стереотипов. В том числе восстанавливается и функция спасения и просвещения народа, опять приобретая устойчивый профессиональный статус, определявший не только корпус идей, но и способ подтверждения своих полномочий либеральной советской интеллигенцией. Радикальный литературоцентризм <...>, легко адаптируясь к новым идеологическим константам, сохраняет свою актуальность до “перестройки”» [Там же, с. 199—200]. В тексте Толстой литературоцентристские модели транслирует советский интеллигент Никита Иваныч, который объясняет Бенедикту, что «Пушкин — наше всё», и вместе с ним устанавливает памятник поэту, выбирая именно Пушкина в качестве национального символа.

Что характерно, эти литературоцентристские модели Прежних уже не работают в пространстве нового мира Толстой — так же, как не вызывает доверия утопический призыв к восстановлению Светлого Прошлого. Бенедикт в итоге делает своего, как он выражается, «идола» «шестипалым» и именует «пушкиным-кукушкиным»: возникает абсолютно новый амбивалентно-сниженный образ универсального русского поэта, имеющий весьма мало общего с оригинальным Пушкиным. В романе воссоздаётся, по существу, постмодернистская ситуация смерти автора: голубчики, в том числе и Бенедикт, читают и интерпретируют тексты прежней культуры, не зная ни исторического контекста, ни авторской аксиологии.

Традиции собственной светской письменности — первого, по Бергу, условия литературоцентризма — у голубчиков просто не возникает. Существует лишь институт малоосознанного воспроизведения книг, написанных до Взрыва: Федор Кузьмич, «набольший Мурза», присвоив себе авторство текста, переносит его на свиток, который затем «перебеляют» государственные писцы.

В этом постмодернистском контексте невозможен и «особый статус писателя как властителя дум и пророка» [Там же, с. 189]: Федор Кузьмич не выполняет этой функции несмотря на свой формальный статус автора всех текстов. Парадоксальным образом «стереотип сакрального отношения к слову» [Там же] в романе все-таки реализуется, но в связи с преобладанием архаического социокультурного фона, а не с церковной культурой, как предполагает Берг.

2. Мифологический логоцентризм «Кыси»

Высокая степень архаизированности оказывается одним из основных параметров русского мира у Толстой, причём как в бытовой плоскости — голубчики недавно вновь изобрели колесо и научились затягивать окна бычьим пузырьём, так и в ментальной — для мышления Бенедикта весьма характерны изоляционистские, патриархальные и патерналистские социальные модели. Но наиболее актуален для автора в этом ряду мифологизм, на что Толстая указывает в своих интервью: «<...> у нас тут <...> продолжают существовать в этом мире, мире мифопоэтики. Я про это целый роман написала, “Кысь”. И написанное в нем все время подтверждается. Я писала его в самые неподходящие для этого годы, когда, казалось, все схлынуло, исчезло. Ничего подобного» [Толстая, 2014, с. 436].

Если литературоцентризм как социокультурное явление все-таки имеет свои рамки, сакральное отношение к слову мифологического толка Толстая рассматривает как внеисторическую особенность национального мышления: «Наша культура — кто бы мы ни были и что бы мы ни были как общество — держится на определённых ритуалах, в которые входят мантры обязательно. Вообще, всякое колдовство, заколдовывание — оно требует слова <...>. И здесь, по нашу сторону, слово работает на более глубоких уровнях, чем на Западе <...>. Здесь тебе гипноз и морок наведут, вот просто пока ты пойдёшь купить себе копченой рыбы и спичек» [Там же, с. 432—433].

Это своего рода логоцентризм, только логоцентризм мифологический. В книге Ж. Деррида «О грамматологии» с помощью термина *логоцентризм* обозначается «ретроспективно построенный образ умопостигаемости, преобладающий в западной философской традиции» [Деррида, 2000, с. 15]. Важно, что второй вариант понимания корня *логос* — это «логос как <...> учение, знание, разум» [Там же, с. 16]. То есть в рамках западноевропейской философской традиции слово — это инструмент для рациональной организации мышления; в русском же пространстве — «это слово волшебное, это слово заколдовывающее <...> Слово как часть заговора или мантры» [Толстая, 2014, с. 461]. Именно такое отношение к слову характерно для художественного мира Татьяны Толстой.

3. Перформатизм читательского восприятия в «Кыси»

В романе «Кысь» Бенедикт воспринимает художественное слово по мифологической модели: буквально и перформативно. Например, в одной из бесед Бенедикта с Никитой Ивановичем — персонажем, выжившим после Взрыва, — проявляется способность главного героя проин-

терпретировать метафору буквально, почти как инструкцию к действию. Человек литературоцентричной советской культуры, Никита Иванович иллюстрирует идею первостепенной важности этического самосовершенствования с помощью образа «главной книги»: «<...> и нравственные законы <...> предопределены, прочерчены алмазным резцом на скрижалях совести! огненными буквами — в книге бытия! И пусть эта книга скрыта от наших близоруких глаз <...>, но все же есть она, юноша! светит и ночью! Жизнь наша, юноша, есть поиск этой книги <...>!» [Толстая, 2009, с. 165] Поскольку слово *совесть* в понятийном словаре «юноши» отсутствует [Там же, с. 86], а абстрактное мышление не развито, он попросту не замечает, что книга бытия — это метафора развитого этического чувства. В итоге в патетическом монологе Никиты Ивановича Бенедикт видит прямое указание искать книгу, «где сказано, как жить» [Там же, с. 247]. Он, таким образом, лишён и необходимого культурного уровня, и литературного воображения в современном смысле этого слова: «От воображения религиозного или мифического литературное отличается тем, что открыто “приватизации”, предполагает способность к воздержанию от буквального восприятия истин и высказываний, условному доверию, дробному распределению внимания, доверия и симпатии» [Венедиктова, 2014].

Однако архаическое мышление Бенедикта обуславливает не только проблемы с поэтическим языком, абстрактным мышлением и этикой, но и невероятную продуктивность воображения, в частности, и литературного. Главный герой впервые по-настоящему погружается в книжный мир, когда женится на Оленьке, он становится частью семьи Главного Санитара и получает доступ к огромной библиотеке тестя: именно в этот момент Бенедикт начинает воспринимать книгу как пространство. По определению самого героя, книга — это «жизнь, дорога, просторы морские, ветром овеянные, золотое облако, синяя волна» [Толстая, 2009, с. 222]. Именно через чтение он реализует свою мечту дойти до моря и разыскать тайную поляну, где живёт его божество, Князя Птица Паулин.

В итоге Бенедикт называет себя в самом прямом смысле слова Салтаном и богачом [Там же, с. 205] — при том что обладает запасом лишь прочитанных впечатлений. Невозможность найти новый художественный текст для него теперь означает невозможность жить дальше: *Что ж теперь делать-то. И чем жить. Опять — словно тревога; словно бы себя потерял* [Там же, с. 218], а перечитывание герой воспринимает как повторное проживание одного и того же события: *Пробовал прежние книги перечитывать, да это же совсем не то. Никакого волнения, ни трепета,*

али предвкушения нету. Всегда знаешь, что дальше-то случилось [Там же, с. 266].

Чтение может заменять Бенедикту жизнь, поскольку вымышленные художественные образы герой воспринимает по той же модели, что и образы мифологических существ. Портреты кысы и Княжьей птицы Паулин разрабатываются физически конкретно, хотя главный герой созерцает их лишь с помощью «внутреннего» зрения: «<...> для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное. Это — самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие» [Лосев, 1994, с. 31]. Именно структурные особенности мифологического мышления позволяют получать такой специфический опыт чтения.

4. Образ главной Книги

Влияние мифопоэтического восприятия на литературное воображение выражается и в формах читательской рефлексии героя: Бенедикт не столько пытается понять текст, сколько создаёт свой миф о Книге. Скорее аллегорический, этот образ обладает, однако, некоторым символическим потенциалом: Бенедикт встраивает актант Книги в собственную систему мифологических ассоциаций. Он метафорически отождествляет Книгу и своё божество красоты и добра — Княжью Птицу Паулин, называя обеих «белой птицей», а также неоднократно «наблюдает» Паулин внутри книжного пространства. Главный герой, таким образом, не имеет интеллектуальных возможностей для глубокого анализа текста, но при этом способен ощутить в прежней культуре отпечаток светлого мистического начала. Книга для него — это пространство, разработанное не только на физическом, но и на метафизическом уровне.

Так что нельзя однозначно согласиться с тезисом Липовецкого о том, что Бенедикт ищет главную книгу исключительно из-за тоски «по нематериальным смыслам» [Липовецкий, 2008, с. 394]. Главный герой страдает в первую очередь от отсутствия вербально конструируемой реальности как таковой: *Я только книгу хотел, — ничего больше, — только книгу, только слово, всегда только слово, — дайте мне его, нет его у меня!* [Толстая, 2009, с. 315—316].

Эта внутренняя речь Бенедикта звучит как попытка оправдания. Главному герою приходится признать, что в него вселилась кысь и что он предал своё светлое божество, Княжью Птицу Паулин [Там же, с. 315] — так в метафизических пластах бытия отражается духовная деградация Бенедикта, которая, как он сам верно отмечает, парадоксальным образом свя-

зана с жадой Слова. Именно страсть к книгам делает из главного героя не просто убийцу и предателя, а своего рода революционера: как только Бенедикт становится зятем Главного Санитара, Кудеяр Кудеярыч начинает выяснять, не тянет ли Бенедикта «начальство сковырнуть» [Там же, с. 174], а потом дожидается того момента, когда зять захочет обладать библиотекой главы государства. С помощью фразы *Искусство гибнет!* [Там же, с. 294] тесть поддерживает намерение Бенедикта надеть балахон санитаря, а затем поучаствовать в политическом перевороте.

Сложно, таким образом, не согласиться с Липовецким в том, что Толстая в своём романе «деконструирует центральный миф русской культурной традиции — ожидание от книги (а шире: культуры) высшего и спасительного знания о жизни» [Лейдерман и др., 2003, с. 472—473]: невозможно отрицать нынешний кризис литературоцентризма. Но вместе с тем ядром русской ментальности для автора «Кыси» оказывается именно феномен мифологического логоцентризма: Толстая создаёт свой личный миф о России как пространстве, где слово работает на мистическом уровне и где текст проживается как жизнь — даже в ситуации постмодерна.

Источники

1. Толстая Т. Н. Колдовство. Послесловие. Лёгкие миры / Т. Н. Толстая. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. — 477 с.
2. Толстая Т. Н. Кысь / Т. Н. Толстая. — Москва : Эксмо, 2009. — 368 с.

Литература

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва: Академический проект, 2008. — 351 с.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 352 с.
3. Венедиктова Т. Д. «Продуктивное воображение» как «непроизводительный труд» : к истории культуры литературного чтения [Электронный ресурс] / Т. Д. Венедиктова // Новое Литературное Обозрение. — 2014. — № 128. — Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/5258>.
4. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — Москва : Ad Marginem, 2000. — 512 с.
5. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература : 1950—1990-е гг. : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2-х т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Т. 2. — 686 с.
6. Липовецкий М. Н. Паралогии : трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов / М. Липовецкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 841 с.

7. Лосев А. Ф. Сочинения : в 9 т. / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1994. — Т. 3. — 920 с.

8. Парамонов Б. М. Русская история наконец оправдала себя в литературе [Электронный ресурс] / Б. М. Парамонов // Современная литература с Вячеславом Курицыным. — 2000. — Режим доступа : <http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm>.

Mythological Logocentrism in T. N. Tolstaya's Novel "Kys"

© Greshilova Anna Valeryevna (2017), PhD student, Department of History of Newest Russian Literature and Modern Literature Process, Lomonosov's Moscow State University (Moscow, Russia), annagreshilova@gmail.com.

The mythological concept of logocentrism, realized in T. N. Tolstaya's novel "Kys" is discussed. It is shown that the image of the Book as well as the image of the Word are the central ones. The author argues that the analysis of the aesthetic functions of this image is important for the understanding of the concept of the novel as a whole. The author believes that Tolstaya constructs a sort of art model of the national world, so the verbal practice in "Kys" are inevitably relate to the national aspect. It is emphasized that the storyline and the images linked with a particular functioning of artistic word in the Russian culture are traditionally discussed in the framework of the problematics of literaturecentrism. Therefore, the article considers the world of "Kys" firstly as the world of literaturocentrism, but in the end it is not such recognized: literaturecentrism as a sociocultural phenomenon in most cases is restricted to a specific time frame, while "Kys" can be considered rather as transitorizes system. It is noted that Tolstaya in her works gives a broader interpretation to this phenomenon and interprets love to the word as part of the Russian mentality in general. Special attention is paid to the mythological practices as in the novel logocentric strategies are linked mainly with them.

Key words: Tolstaya; Kys'; myth; logocentrism; literaturecentrism; archaic thinking.

Material resources

Tolstaya, T. N. 2009. *Kys'*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

Tolstaya, T. N. 2014. *Koldovstvo. Poslesloviye. Legkiye miry*. Moskva: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy. (In Russ.).

References

Bart, R. 2008. *Mifologii*. Moskva: Akademicheskiiy proyekt. (In Russ.).

Berg, M. 2000. *Literaturokratiya. Problema prisvoyeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

Derrida, Zh. 2000. *O grammatologii*. Moskva: Ad Marginem. (In Russ.).

Leyderman, N. L., Lipovetskiy, M. N. 2003. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950—1990-e gg.: posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy: v 2-kh t., 2*. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

- Lipovetskiy, M. N. 2008. *Paralogii: transformatsii (post)modernistskogo diskursa v rus-skoy kulture 1920—2000-kh godov*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Losev, A. F. 1994. *Sochineniya*: v 9 t., 3. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Paramonov, B. M. 2000. Russkaya istoriya nakonets opravdala sebya v literature. In: *Sovremennaya literatura s Vyacheslavom Kuritsynym*. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm>. (In Russ.).
- Venediktova, T. D. 2014. «Produktivnoye voobrazheniye» kak «neproizvoditelnyy trud»: k istorii kultury literaturnogo chteniya. *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 128. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/5258>. (In Russ.).